

Степан Митяев

Катализатор

слегка шпионская повесть о прошлом,
настоящем и возможном будущем

Степан Митяев

Катализатор

«Издательские решения»

Митяев С.

Катализатор / С. Митяев — «Издательские решения»,

В России изобретен принципиально новый источник энергии. Казалось бы, можно праздновать победу. Но не все так просто, как представляется на первый взгляд. Известный репортер Сергей Арзуманов не понимает той опасности, которая грозит нашей стране в связи с потрясающим открытием. Наверное, поэтому машина журналиста взрывается на глазах у его лучшего друга...

© Митяев С.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть 1	8
Взрыв	8
Похороны	13
Друзья	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Катализатор
слегка шпионская повесть о прошлом,
настоящем и возможном будущем
Степан Митяев

© Степан Митяев, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Сегодняшние дни. 30 сентября. Побережье Кубы

Гена, растянувшись на белом песке, глядел на бирюзовое заграничное море. Невдалеке натужно пыхтел какой-то местный кораблик, еще советской, видимо, постройки.

У воды два загорелых мальчугана строили из песка причудливый замок. Им настойчиво пыталась помочь белокурая девчушка лет трех, которую опытные строители всячески старались отвести от их архитектурного творения.

Вволю накупавшись, Гена грелся на солнце, наслаждаясь морским воздухом и стараясь не думать о тех странных, даже необъяснимых событиях, которые произошли с ним за последние дни.

Девчушка стояла растерянная, не понимая, почему мальчишки отвергают ее искреннюю помощь.

Гена сделал приличный глоток из высокого стакана. Пиво, которое ему услужливо принесли из гостиничного бара, было уже теплым, но за холодным идти было лень.

Сделав еще несколько безуспешных попыток, отвергнутая помощница принялась бросать в строителей замка песком. Те вроде бы внимания не обращали, но явно злились.

Через пару минут стакан был пуст, и Гена блаженно откинулся на песок, прикрыв голову полотенцем.

Недалекое будущее. Сентябрь 20... года

Новости CNN:

«... Кавказ. Исламская федерация северокавказских республик обратилась в Евросоюз с требованием незамедлительно признать ее суверенитет, защитить от посягательств России и оказать экстренную гуманитарную помощь. По мнению экспертов, только такие действия могут предотвратить дальнейшие многочисленные жертвы в регионе и стабилизировать обстановку, которую иначе как хаосом назвать нельзя.

...Венесуэла. По-прежнему продолжаются кровопролитные бои между партизанами и правительственными войсками. По просьбе правительства, в страну переброшен дополнительный контингент иностранных войск – 13-я бригада Сухопутного командования США. Все военные эксперты склоняются к мнению, что вооруженные старым российским оружием повстанцы вряд ли смогут долго противостоять специальному подразделению, в распоряжении которого имеется техника пятого поколения.

...Дальний Восток. Продолжаются самозахваты российских земель жителями КНР. Очередной китайский поселок был заложен на днях на левом берегу реки Амур. По периметру захваченной территории, как обычно, выставлена вооруженная охрана. Российский МИД направил руководству КНР ноту протеста, которая, вероятнее всего, останется без ответа, как и все предыдущие. Российские власти не способны сейчас вступить в открытую военную конфронтацию с Китаем, поэтому захваты земли, скорее всего, продолжатся. КНР настаивает на соблюдении неотъемлемого права граждан планеты на свободную миграцию и предупреждает, что, если российские власти будут препятствовать процессу переселения, Китай прекратит финансовую помощь России.

...Иран. На аэродром Тегерана прибыла очередная партия гуманитарного груза из Евросоюза. При разгрузке самолета голодное население иранской столицы прорвало выставленное оцепление и начало растаскивать мешки с продовольствием. По предварительным оценкам, в давке погибло не менее десяти человек, много раненных. Доставка продовольствия в Иран

вызывает все больше трудностей. В частности, пилоты альянса из-за прямой угрозы их жизням отказываются выполнять рейсы в эту страну. Временной администрацией США в Иране рассматривается вопрос о введении военного положения».

Часть 1

Взрыв

Сегодняшние дни. 20 сентября. Москва. Улица «Правды»

У Гены Бугаева был законный выходной. Лежа на чешской софе, сделанной в братской стране специально для советских людей, он мечтательно смотрел в облупившийся потолок и ни о чем не думал. Это было его самое любимое время. Только что он вернулся с футбола, попил мамино кваску из холодильника и теперь блаженно ощупывал трудовой мозоль, определяя, на сколько граммов он похудел во время еженедельного товарищеского матча.

Называть жировые отложения трудовой мозолью любил его давнишний приятель, можно сказать, друг, Серега Арзуманов. Крылатые фразы у того были припасены на все случаи жизни.

Осмотром мозоли Бугаев остался доволен – граммов шестьсот долой. Как минимум. Пройдет полчаса, засосет под ложечкой, он пойдет на кухню, сварит пачку останкинских пельменей и, утопив их в сметане, смолотит под очередную оперную серию. Про оперов, конечно, смотреть надоело, но с пельменями они проходили неплохо. Бугаев старался о предстоящем нарушении режима не думать и наслаждался очередной победой над весом.

Футболист он был никудышный. Тяжелый, плохо координированный, Гена с юных лет всегда был в роли запасного. В родном дворе подобралась на редкость сильная футбольная бригада, и Гену выпускали лишь тогда, когда уж совсем играть было некому. Он не обижался и всегда очень старался. Пыхтел, падал, вставал, опять падал и опять вставал. Сначала над ним смеялись. Потом перестали, оценив беззаветную преданность футболу.

Прошли годы, все вокруг изменилось, а дворовая футбольная компания сохранилась почти в том же составе. Погрузнела, поседела, но осталась верной любимой игре. Многие давно разъехались по разным районам Москвы. Но разве это помеха? Ровно в одиннадцать, в воскресенье, на спортплощадке местной школы все повторялось вновь и вновь. Как и много лет назад, на Бугаева кричали – по поводу и без, а он терпел и молча сопел в защите. Зато сколько было у него счастья, когда удавалось выбить у кого-нибудь мяч и заслужить одобрительные реплики товарищей по команде. А уж если мяч от Гены случайно отлетал в ворота соперников – положительных эмоций ему хватало на неделю.

Бугаев перевернулся на бок и лениво подумал, что надо бы кому-нибудь звякнуть. После футбола они всей компанией ходили в местные бани. Это коммунальное заведение местные авторитеты время от времени пытались переделать в ночной клуб, но по каким-то неведомым причинам это им не удавалось, и бани пока работали по прямому назначению – мыли людей, а не деньги.

Обычно, вернувшись из бани, Бугаев чувствовал в себе неисчерпаемую мужскую силу. Развелся Гена недавно и с удовольствием и теперь по полной программе наслаждался преимуществами холостяцкой жизни, особенно после парной. Вот и сегодня рука сама собой потянулась к трубке.

У Светки, как всегда, было беспробудно занято. Ладно, попробуем другой вариант. А здесь никто не подходит. По третьему номеру сонно ответили, что Людмила Ивановна на даче. Гена отложил записную книжку и решил четвертой попытки не предпринимать. Пусть им всем будет хуже. Завтра на работе наверстаю.

Работал Гена в интеллектуальной сфере – продавал на Савеловском дернутые программы и базы данных. Работу свою любил и слыл в местных торговых кругах большим профессионалом своего дела. Ценил его и хозяин павильона Чингиз, который ничего в компьютерах

не понимал, зато быстро считал деньги и умел виртуозно договариваться с администрацией рынка, крышами, проверяющими и прочими надстройками над частным бизнесом. И хотя по-русски Чингиз говорил неважно, все всегда его сразу понимали. Видимо, знал какие-то волшебные слова, которые звучат на всех языках одинаково. Хозяин в дела Бугаева не вмешивался, его вполне устраивало, что тот честно и вовремя сдает выручку.

В павильоне на рынке была небольшая кладовка, где Гена время от времени устраивал романтические свидания с хозяйкой соседней торговой точки Эльвирой. Дама была не первой свежести и не идеальных размеров, но попав к Гене в подсобку, творила чудеса. Соседи по бизнесу им даже пару раз делали замечания насчет уровня финальных Эльвириных децибелов.

Что ж, сэкономим силы для соседки по бизнесу. Решив таким рациональным образом женский вопрос, Бугаев натянул на себя плед и решил полчаса вздремнуть. Но поспать ему не удалось. На улице сработала автомобильная сигнализация, и ее разноголосый вой заставил отдыхающего футболиста выйти на балкон.

Окна Гениной квартиры выходили на серое длинное здание, где с незапамятных времен располагались ударные силы советской агитации и пропаганды. За прошедшие годы здание по адресу «Улица „Правды“, 24» внешне почти не изменилось, чего не скажешь о его начинке.

Балкон Бугаев всегда содержал в чистоте. Здесь у него было место отдыха и единения с окружающим миром, куда он выбирался, когда четыре стены надоедали окончательно. Отсюда он любил летним вечерком понаблюдать за суетой в редакционных комнатах, которая не прекращалась допоздна. Осмотр он обычно начинал с окна кабинета, где работал его приятель Серега Арзуманов. Твердого рабочего графика у того не было, мог по будням вообще не появляться, зато в выходные сидеть за полночь. Вот и сегодня, в воскресенье, свет в знакомом окне горел – видимо, Серега, выражаясь его собственными словами, клепал очередную нетленку.

Август 1979 года.

Абхазия. Пицунда

Познакомились они в Третьем ущелье, что возле Пицунды. Райское было место. Природа и море – это само собой. Но главное было в другом. Пять студенческих лагерей в одном месте, полторы тысячи загорелых, свободных, как ветер, юных тел. Атмосфера безграничного счастья. Утром – солнце, море, горы. Вечером – танцы, смех, вздохи и поцелуи.

А ночью... Да что там говорить, таких ночей больше не будет.

В спортивный лагерь МГУ Бугаев попал случайно. Как, впрочем, и в сам университет. Лет с четырнадцати его обуяло странное для их семьи желание – стать врачом. Казалось бы, что тут плохого – лечить людей? Но, когда в десятом классе он заикнулся о своей мечте родителям, мама сделала круглые глаза и долго рассказывала Гене, что в медицинском нужен дикий блат, которого у их семьи отроду не наблюдалось. Зато имелась куча знакомых в университете, где мама проработала библиотекарем много лет. Среди этой кучи особо выделялась моложавая и грудастая Лилия Павловна, замдекана по хозяйственной работе истфака, с которой мама часто шушукалась на кухне.

Однажды, когда мать Гены была на работе, Лилия Павловна зашла к Бугаевым забрать приготовленные для нее книги. Как-то сама собой состоялась обстоятельная беседа о Генином светлом будущем в университете. Лилия Павловна так увлеклась рассказами о важности исторической науки, что в творческом порыве начала стаскивать с себя блузку, а с Гены – майку.

Так Бугаев стал историком. Учился неплохо, даже повышенную стипендию иногда получал. Однажды между парами к нему подошел физрук и предложил записаться в секцию городков. По комплекции Бугаев подходил скорее для тяжелой атлетики, но у физкультурного работника была разнарядка только на городки.

– Так я же не умею, – пробормотал Гена, который видел русский народный вид спорта только по телевизору.

– Не волнуйся, никто не умеет, – успокоил его физрук и записал фамилию Бугаева в тетрадь.

Уже позже Гена узнал, что сверху пришло указание срочно возрождать в массах народные игры и в секцию городков записали всех, кто был непригоден для остальных видов спорта. Бугаеву было все равно, чем заниматься на уроках физкультуры. К тому же, бросать биту оказалось куда приятнее, чем размахивать руками и приседать на ОФП.

Очень скоро, к удивлению физрука, выяснилось, что Гена – прирожденный городошник. А когда его стали снимать с занятий на городские соревнования и выдали талоны на спецпитание, Бугаев в полной мере оценил мудрый план руководства по возрождению старинной русской игры. Венцом его спортивной карьеры стала бесплатная путевка в спортивный лагерь МГУ в Пицунде.

Лену он увидел на пляже в первый же день. Бугаев даже не представлял, что у обычных советских девушек бывают такие фигуры: Мэрилин Монро и Клаудиа Кардинале по сравнению с ней просто отдыхали. Когда студентка филфака сбросила халатик на камни, Гену будто мешком по голове ударили, даже дышать стало трудно. Он отвернулся и нервно закурил, хотя этого и не разрешалось делать в местах купания спортивных студентов.

А вечером в восьмиместную палатку, где проживал Гена с коллегами по городошной команде, набилась невообразимая куча тел. Пили чачу и портвейн, курили и пели. Вокальные данные демонстрировали все подряд – кто умел петь и кто думал, что умеет. И даже те, кто так не думал. После долгих уговоров Лена взяла гитару и запела про коней, которые умеют плавать, но не долго и не далеко. Песенка была так себе, и играла она неважно. Но голос, этот голос... Такого необычного, волнующего тембра Гена не слышал ни до, ни после.

Как бычок на привязи он ходил за Леной. А она... Не то что бы гордилась этой победой, но видно было, что ей приятно такое страстное поклонение. Из жалости она даже разрешила Гене поцеловать себя на скамейке под ароматным деревом с неизвестным названием.

Сергея появился через три дня после начала смены. Красивый и самоуверенный, в фирменной майке «Адидаас» – редкость тогда была страшная. Одно слово, журфаковец. Он подошел к ним вечером на танцах и почему-то заговорил по-английски. Ленины подружки, с которыми она стояла в ожидании очередного танца, смущенно хихикали. А он смотрел на нее своими черными армянскими глазами и вдохновенно декламировал монолог Гамлета со староанглийским акцентом.

Бугаев как-то потом спросил, зачем был нужен весь этот выпендрей. Сергей откровенно объяснил: в самом начале операции главное – ошарашить противника, и Гамлет для этого подходит гораздо лучше, чем «Мы с Вами раньше не встречались?».

А потом они подрались. Бугаев не мог вынести, что этот хлыщ с налету покорило сердце его избранницы. Сейчас он уже и не помнил, по какому поводу началась драка. Столкновение самцов было неизбежно. Сначала все ограничивалось словесными уколами, но очень скоро в ход пошла тяжелая артиллерия.

У Бугаева шансов не было. Мало того, что Сергей играл за университетскую футбольную команду, так он еще и боксом, стервец, занимался. Тогда Гена этого не знал. Впрочем, если бы и знал, ничего бы не изменилось. Чего-чего, а боевого духа Бугаеву было не занимать.

Неравная схватка продолжалась минуты две. Открыв глаза, поверженный претендент увидел Лену, которая участливо вытирала ему кровь с лица, сквозь зубы выговаривая что-то победителю.

Потом они сидели втроем и пили чачу. После безусловной победы нокаутом Сергей без всякого намека на превосходство первый подал Гене руку и просто сказал: «Пойдем, шархнем по стакану».

20 сентября.

Москва. Улица «Правды»

Бугаев развалился в старом плетеном кресле, которое каким-то чудом выдерживало его раздобревшее тело, и с удовольствием закурил. Свет в редакционном окне погас, и через пару минут Гена увидел приятеля выходящим из подъезда. Хотел окликнуть, но передумал.

Сергеа завернул за угол, где обычно парковал машину под знаком «Остановка запрещена». Докурив, Бугаев с трудом вылез из низкого кресла и направился, было, в комнату, но в этот момент раздался сильнейший хлопок. Гена сразу не сообразил, в чем дело, но через секунду уже все понял. Это был взрыв. И как раз в том месте, где обычно стояла машина его друга и куда тот направился буквально минуту назад.

Бугаев набросил куртку, влез в кроссовки и, как был, в тренировочных штанах и майке бросился из квартиры. Лифт никак не хотел вызываться, и Гена рванул по лестнице.

Удивительно, но за те считанные минуты, пока он одевался и бежал, вокруг места происшествия появилось оцепление. Гена пытался прорваться, кричал, что у него там друг, но его никто не собирался пускать. В конце концов Бугаев бессильно повис на щуплом милиционере, наблюдая за горевшей машиной вместе с остальными зрителями.

Машина горела, как в кино. Бугаев был уверен, что киношники специально обливают автомобили бензином для пущего эффекта. Оказывается, и в жизни такое бывает – без всякой пиротехники. Огонь бушевал как в доменной печи. И в этом крематории сгорал его друг Серега Арзуманов.

Поверить в это было невозможно. Через два дня они должны были встретиться на его, Бугаева, дне рождения. Гена уже купил выпивку и все необходимые ингредиенты для любимого салата оливье. И вот...

За оцепление Гену так и не пустили. Возвращался домой он в полузабытьи. Механически передвигая ноги, вошел во двор. На скамейке с бутылкой пива сидел Октябрь – потомственный работник ЖКХ и по совместительству Генин сосед по лестничной клетке. Бравый слесарь был, в общем-то, неплохим мужиком, но страдал неизбывной пролетарской ненавистью к богатым соседям. Социальную справедливость он восстанавливал немудреным способом: улучив момент, проводил гвоздиком по бокам лакированных лимузинов, припаркованных во дворе их дома. Когда-то его уважали и даже побаивались: мог ведь и воду отключить. Но, увы, те светлые времена остались лишь в старых выпусках «Фитиля», которые Октябрь любил смотреть на своем дряхлом видеомagneтофоне под бутылочку портвейна.

В целом же, Генин сосед был прогрессивно настроенным гражданином. В девяносто первом даже ходил защищать демократию, но по прошествии нескольких лет понял, что его жутко надули. Вместо коммунак его теперь эксплуатировали отечественные буржуи, которые умудрились в кратчайшие сроки разворовать родную страну. Не то чтобы Октябрь хотел возвращения к зеленой колбасе и пустым прилавкам. Но и смотреть на бывших красных директоров, жирующих в обнимку с бандюганами, обманутому демократу было не вмоготу.

Вот и сейчас Октябрь отпил из бутылки и с кривой усмешкой поинтересовался:

– Ну что, опять нувориша взорвали?

«Откуда он знает это слово?» – невпопад подумал Бугаев и врезал Октябрю по уху, отчего недопитая бутылка отлетела из рук слесаря далеко в сторону.

Гена стоял и смотрел, как Октябрь трясет головой и что-то кричит. Слов было не разобрать – то ли сосед от удара потерял внятность речи, то ли Бугаев перестал воспринимать окружающую действительность.

Поднявшись в квартиру, Гена вышел на балкон. Толпа все прибывала. Опустошенный Бугаев почему-то подумал про неиссякаемую любовь граждан поглазеть на чужое горе. Хлеба

и зрелищ... Пропитание теперь можно купить, лучше или хуже, а вот зрелищ по-прежнему не хватало. Чтобы не по ящику, а вот так, вживую, с запахом и звуком. Чтобы на халяву адреналинчику в кровь.

...Однажды он был в гостях у своего разбогатевшего однокашника и видел, как горел дом в элитном поселке. Загорелось ночью, хозяина не было, и к тому моменту, когда наконец опомнился полупьяный охранник поселка, полыхало вовсю. Собрались почти все обитатели поселка, некоторые с детьми, кто-то пришел даже с коляской. Стояли, смотрели, оживленно обсуждали. У всех глаза горели – возможно, правда, это были отблески пламени...

Бугаев поначалу метался, пробовал что-то сделать, требовал ведра. Никто за ведрами не пошел. А один знающий господин успокоил: мол, чего вы суетитесь, у хозяина наверняка все застраховано. И стал дальше что-то увлеченно втолковывать своей полуодетой соседке, которая восхищенно внимала его эрудиции.

Засуетились только тогда, когда изнутри раздались крики. Наблюдающая публика стала кричать на охранников, чтобы те еще раз срочно позвонили пожарникам. Пожарники все не ехали. На счастье прибежали мужики из соседней деревни и, поливая друг друга водой, вытащили из дома таджика – обгоревшего, но живого.

От воспоминаний отвлек телефонный звонок. Звонила мама.

– Геночка, сыночек, у тебя там все в порядке? По телевизору нашу улицу показывают, машина горит, ужас...

После смерти отца мама уехала к новому мужу в Чертаново и очень переживала, что бросила бедного Геночку одного. Поэтому и звонила несколько раз в день, отчего великовозрастный сыночек пару раз пытался выбросить телефон с балкона.

Говорить было трудно, но Бугаев собрался с силами.

– Со мной все в порядке, мам. Не волнуйся. Я перезвоню.

И положил трубку.

Похороны

22 сентября.

Москва. Ваганьково

Шуму Серегина смерть наделала много. Писали и говорили все кому не лень. Версии были на любой вкус, но одна сразу же стала основной. Всегда все знающий тележурналист сообщил, что получил из компетентных источников сенсационную информацию: Арзуманов в последнее время вел журналистское расследование махинаций с российскими деньгами, идущими в Абхазию. На просьбу прокомментировать это сообщение тучный представитель прокуратуры обещал все версии проверить и неминуемо изловить преступников, поднявших руку на святая святых – свободу прессы. Говорил убежденно и искренне. Ему, как всегда, не очень верили.

На опознание никого не приглашали – нечего было опознавать. То, что удалось собрать в обгоревшей машине, хоронили в закрытом гробу. Сомнений, что погиб именно Арзуманов, у следствия не было: нашли его часы, ручку, ключи. Да и опрос свидетелей показал, что за минуту до взрыва он вышел из здания и направился к своей машине.

Некоторое недоумение вызывал сильный огонь, который за считанные минуты спалил машину практически дотла. Даже при взрыве бензобака такого обычно не бывает. Впрочем, быстро нашлось объяснение: по словам представителя прокуратуры, в машину был заложен особый вид взрывчатки.

Два дня после взрыва Гена находился в оцепенении. Он, конечно, не сидел на месте: куда-то бегал, кому-то звонил, что-то выяснял. Но все это было как бы отдельно от него, как будто он смотрел фильм про самого себя. Серега был Другом. Единственным. Бугаев почему-то точно знал, что больше у него настоящих друзей не будет. Кусок жизни отрезали. Еще тоскливее было оттого, что никак не мог связаться с Леной. Она как сквозь землю провалилась.

Хоронили Серегу на армянском кладбище. Распоряжался всем дядя погибшего – Артем Вартанович, который был Арзуманову вместо отца. Родители Сереги погибли еще во время землетрясения в Спитаке. За два дня до катастрофы они поехали навестить родственников в этот небольшой армянский город. Те чудом выжили, а вот Серегиных родителей завалило. И вот в родовой могиле теперь хоронили их единственного сына.

За день до похорон Артем Вартанович попросил Гену договориться насчет отпевания – сам был занят прочими траурными хлопотами. В небольшой армянской церкви на кладбище непрерывным потоком шли заказанные заранее отпевания, крестины, свадьбы. Гена долго пытался убедить молодого черноволосого священника найти «окно», но тот лишь терпеливо слушал и сокрушенно разводил руками.

В итоге отпевали Серегу в часовенке напротив, на Ваганьковском. Бугаев, человек неверующий, стоял и гроба, слушал малопонятную речь священника и пытался приобщиться к действию, в котором ничего не понимал. В зале было нестерпимо душно, но на душе стало легче.

Потом гроб на руках перенесли через дорогу и занесли в маленькие воротца армянского кладбища. У могилы Бугаев стоял молча, вместе со всеми ожидая указаний проворного похоронного агента. Народу пришло столько, что и без того тесное кладбище, казалось, сейчас задохнется от посетителей.

Гроб опустили в яму, по крышке застучали комья земли. Машинально бросив щепоть, Гена отошел в узкую аллею, где курил Артем Вартанович. Дядя Тёма, как его называл Серега. Люди все шли и шли к могиле, земля все сыпалась, и, казалось, могильщикам не останется работы.

Не было только Лены.

Заиграла народная армянская музыка. На чем-то, напоминающем кларнет, солировал краснолицый мужчина с обвисшими щеками, которые раздувались, как меха у горна. Играл он что-то необычное и печальное. Бугаев несколько раз слышал название этого инструмента, но никак не мог его запомнить.

– Дудук, – как будто услышал его мысли стоявший рядом Артем Вартанович.

Он приоткрыл небольшой саквояж и достал сверток.

– Серго просил тебе передать... Если с ним что-нибудь случится, – старик развернул бумагу и передал Гене небольшую коробку, заклеенную скотчем, после чего пошел собирать людей для традиционного завершения обряда.

На поминки Гена не поехал. Не любил он жующую скорбь. Решил дома помянуть, самостоятельно. Выйдя с кладбища, вскрыл коробку и обнаружил то, что меньше всего ожидал увидеть: на мягкой бархатной подстилке лежала морская раковина. Красивая и непонятная. Гена повертел ее в руках и положил обратно в коробку, которую засунул в широкий карман куртки. Задумавшись, он медленно побрел к метро.

Всю дорогу он думал о раковине – хороший повод отвлечься. Зачем Сереге понадобилась эта странная посылка после смерти? «Если с ним что-нибудь случится...». Значит, знал, что может случиться. Но причем здесь раковина?

В метро он достал коробку из кармана, открыл и стал тщательно осматривать раковину со всех сторон, не обращая внимания на любопытные взгляды пассажиров, для которых мужик с морским сувениром был каким-никаким, а развлечением в унылом однообразии душной подземки.

Выходя из вагона, Бугаев, наконец, прозрел. Он даже остановился в дверях, за что получил пару мощных толчков в спину и полагающийся в таких случаях набор эпитетов. Выкинутый могучим потоком на перрон, Гена еще раз взглянул на содержимое коробки. Сомнения отпали. Это была та самая раковина...

Август 1979 года.

Абхазия. Пицунда

Бугаев хорошо плавал, чем искренне гордился. Но, как выяснилось, Серега плавал еще лучше, нырял глубже и дальше. Купаться они теперь ходили вчетвером. Лена, добрая душа, пыталась залечить Генину душевную травму и все время брала с собой подругу – рыжую бесстию с тонкой талией. Девица была хороша собой, одни волосы чего стоили, но Бугаев глядел в основном в землю, чтобы не смотреть на Лену.

Они забирались подальше от общего пляжа. Берег здесь был похуже, чем у лагеря, зато свобода и уединение – полные. Метрах в двадцати от берега из воды торчала скала, на которую Серега в первый же день вскарабкался с кошачьей ловкостью. Постояв наверху и обзрев окрестности, он лихо сиганул рыбкой вниз.

Скала была высокая, метров десять, не меньше, но Серега приводнился успешно, за что был награжден восхищенными ахами и охами женской аудитории. Бугаев, естественно, решил не отставать. Не менее ловко, как ему показалось, он взобрался на скалу и удовлетворенно поглядел на компанию. Девушки оценили подвиг, и Гена собрался продолжить свое героическое выступление, но, взглянув вниз, вдруг с ужасом понял, что прыгнуть просто не сможет. Снизу все казалось гораздо проще, а здесь, наверху, перед ним была настоящая пропасть.

Гена присел на камни и сделал вид, что осматривает побережье. Прыгать, да еще рыбкой, совсем не хотелось. Время шло. Очень скоро он ощутил нестерпимый жар от нагретых полуденным солнцем камней. Голые ступни высохли и стали медленно поджариваться. Сначала это было неприятно, через пару минут стало больно, а потом – совсем нестерпимо.

Положение было катастрофическим. Гена вдруг отчетливо понял, что даже если плюнуть на гордость и попробовать спуститься вниз обычным путем – шансов у него никаких. Спускаться оказалось гораздо страшнее, чем карабкаться вверх. В этот момент он вообще слабо понимал, как сюда забрался.

Внизу девочки хохотали над очередным Серегиным анекдотом, а Бугаев на раскаленной скале пропадал во цвете лет. В конце концов он понял, что лучше разбиться об воду, чем поджариться на камнях, и полетел вниз ногами вперед. Солдатика не получилось, и он больно стукнулся животом об водную гладь, которая, по Гениным ощущениям, временно превратилась в асфальт.

В воду он ушел метра на два, не меньше. Открыв глаза, огляделся и собрался всплывать. И в этот момент он увидел большое отверстие в основании прибрежной скалы, которое светило изнутри.

Так они нашли грот. Он был маленьким, и сокровищ в нем не было, но это был ИХ грот. Свет проникал через узкое отверстие наверху и делал его настоящей сказочной пещерой. Вход в нее был всего в метре от поверхности воды, поэтому девочки тоже смогли оценить Генино открытие. Первой, смешно зажав носик, погрузилась в воду Лена, и Гена буквально втащил ее за руки в грот. Вся компания сначала восхищенно осматривала новые владения, а потом принялась кричать и прыгать. Взрослые вроде уже были, студенты как-никак, а радовались как дети.

На протяжении смены новые владельцы несколько раз забирались в свой сказочный грот. Здесь Лена однажды и нашла ту самую раковину. Необыкновенную, с какими-то фантастическими переливами. И подарила ее Сереге. Кому же еще?..

Друзья

23 сентября.

Москва Улица «Правды»

Утро Бугаева неизменно начиналось под советско-итальянский хит «Уно моменто». Лет пять назад он по случаю купил чудо восточноазиатской техники, которое включало песню в назначенное время, и с тех пор каждое утро вместо трели будильника слушал гениальное произведение неизвестного ему автора. Втайне Гена стыдился этой своей привычки, но ничего с собой поделать не мог: без утренней побудки под «Уно моменто» день проходил как-то уныло.

Впрочем, сегодня любимое музыкальное произведение прозвучало пыткой. Просыпаться с тяжелого похмелья Бугаеву, конечно, было не впервой, однако на сей раз ощущения были запредельными. Напился Гена чисто по-русски. На одной не остановился – побежал еще и по дороге домой встретил подбитого в ухо Октября. Тот, увидев бутылку, все обиды благородно забыл, и дальше давили вместе. Потом Октябрь сбегал еще за одной. Бугаев долго плакал на плече великодушного работника ЖКХ, который утешал, как мог, вспоминая почему-то войну, когда всем было тяжело. После третьей бутылки Гена уже ничего не помнил.

Проснулся он одетым и с наждачной бумагой в горле. Долго пил холодную воду из-под крана, пару раз обнялся с унитазом (чертов Октябрь уговорил напоследок выпить самогону) и наконец к двенадцати часам окончательно принял вертикальное положение. Растопив на сковородке огромный кусок сливочного масла, поджарил себе яичницу из четырех яиц и разрезал завалившийся в холодильнике помидор. Похмельная яичница, как называл это блюдо Гена, действовала на него лучше всякого алкозельтцера. Не прошло и получаса, как под воздействием ударной дозы калорий он обрел способность соображать.

Июль 1980 года.

Москва. Улица «Правды»

...Во время Олимпиады Бугаева, как и многих его сокурсников, записали в дружину. Не сказать, чтобы он был самый идейный, но крамольных высказываний за ним не наблюдалось, и сомнений насчет его кандидатуры у ответственных товарищей не возникло.

Инструктировали их много и подолгу. Усевшись в последнем ряду, Бугаев особо не прислушивался, но и не зевал, как некоторые, которых быстро из дружины отчислили. В конце концов, гулять летом по чистой и праздничной Москве было куда веселее, чем торчать у родственников в деревне.

Иногда их назначали на дежурство в кинотеатры. Репертуар был, мягко говоря, странноватый, зато меню в буфете – царское. Фильмы шли не только на русском, но и на языках братских народов СССР. Было это весьма забавно, и Бугаев потом часто рассказывал в компании, как смотрел «Чапаева» на киргизском. Знаменитая сцена на чердаке, когда Чапай с Петькой отстреливаются от коварно напавших беляков и герой революции спрашивает, остались ли патроны, звучала следующим образом:

– Петька, патрон бар?

– Йок, Василий Иванович, бир гранат калдым...

Это означало, что патронов нет, осталась одна граната.

История нравилась, многие смеялись, удивляясь, как мог этот увалень, обычно молчаливый и угрюмый, выдумать такую байку. Гена сначала пробовал доказывать, что Чапай действительно с Петькой на киргизском разговаривали, но вскоре разуверять аудиторию бросил и просто наслаждался минутной славой веселого рассказчика.

В эту субботу собирались у Бугаева. Предки поехали осваивать недавно полученную целину в шесть соток, и на выходные образовалась хата, как тогда было принято называть свободную от родителей квартиру. Напрашивались многие, но после тщательной селекции отобрали самых достойных. Лена специально для Гены пригласила подругу Олю, девушку веселую, но внешностью не блиставшую. Это мягко говоря.

Как-то Серега, собрав очередной сабантуй, на вопрос по телефону про достоинства приглашенных дам, произнес нетленное: «Одна ничего, другая тебе». Оля проходила по второму варианту, но Бугаев обижать девушку не стал и весь вечер галантно наливал ей «Солнцедар». Вообще-то выпивка в местных магазинах была и попримичней, но Оля почему-то попросила купить именно этот бодрящий до боли напиток.

За провиантом отправились, как всегда, в местную кулинарию. В обычные дни весь скудный ассортимент заведения умещался в двух поддонах, остальное витринное пространство было заставлено сгущенкой и консервированным горошком. Но сегодня торговую точку было не узнать. Мало того что обычно засаленное торговое помещение сияло как колонный зал Дома Союзов, так еще и продавщица тетя Маша блистала в накрахмаленном ажурном переднике (и где она его только взяла?).

Выкладка поражала воображение и вгоняла в легкий ступор. Вместо окаменевших в прошлом году котлет и зеленого мясного фарша за стеклом красовались невиданные деликатесы: сервелат, язык, дальневосточные крабы, икра, балык. Да здравствует Олимпиада – праздник прогрессивного человечества! Дураки все-таки эти американцы, что отказались приехать, вот и не попробовали настоящей русской жратвы.

От незнакомых запахов у голодных студентов закружились головы и началось обильное слюноотделение. Денег было мало, хотелось купить все. В конце концов взяли всего по чуть-чуть и радостной гурьбой отправились осваивать плоды всемирного спортивного форума. С хорошей закуской вечер прошел на редкость удачно: никого не вырвало, ничего не разбили. Расходиться начали, когда стало светать.

Серега, даже не спросившись у хозяина, уволок Лену в родительскую спальню. Гена, как обычно, ушел страдать на кухню. Когда закончилась последняя бутылка пива, вдруг вспомнил, что в гостиной скучает девушка Оля. Зайдя в комнату, обнаружил, что та зря время не теряла. Старая тахта была разложена, аккуратно застелена, а раздетая гостья возлежала, едва прикрывшись одеялом, с томиком Мандельштама, купленным Гениными родителями на макулатуру. Хозяин квартиры погасил свет, молча разделся и забрался под одеяло.

В темноте Оля была ничуть ни хуже других, тело у нее было нежным и бархатистым. Очень быстро Бугаев ощутил то, что должен ощущать двадцатилетний человек в кровати рядом с обнаженной женщиной. Преодолев робость, он пошел в разведку по неизведанным местам Олиного тела. Однако соседка по кровати, сама проявившая инициативу с тахтой, всячески демонстрировала, что неопытные Генины ласки ее ничуть не трогают. Видимо, так ее учила мама, которая не знала лучшего способа заинтриговать мужчин.

С холодностью партнерши Гена кое-как смирился, но когда разгоряченный юноша взгрозился на скромницу и приступил к делу, случилось нечто совсем уж неожиданное. Почувствовав Бугаева в себе, Оля хорошо поставленным голосом громко запела: «Союз нерушимый республик свободных». Видимо, решила добить партнера неординарностью.

Сначала Бугаев оторопел и даже почувствовал, что его мужское естество слегка обмякло. Но потом решил довести дело до конца и с удвоенной энергией задвигал тазом. Гимн прекратился, а через пару минут громкий женский стон разнесся по всей квартире. Олина мама была поспрамлена.

На завтрак ели грибной суп. Лена лукаво поглядывала на экспрессивную пару, явно радуясь, что Гена не сидит, как обычно, насупившись, а иногда даже застенчиво улыбается. Пятилитровая кастрюля, которую мама наварила на всю неделю, закончилась неожиданно быстро.

Сергея с Леной засобирались, любительница гимнов тоже не стала засиживаться. Провожать их Бугаев не пошел – лег спать. Вечером надо было заступать на дежурство в клубе, где должна была состояться настоящая дискотека – с прожекторами, записями Бони Эм и группой товарищей в штатском.

23 сентября.

Москва. Тверская

Из дома Гена вышел уже человеком. С работы он отпросился и решил пройтись по своему традиционному маршруту – через Горького мимо Белорусского на Пушкинскую. Тверской улицу своего детства Бугаев так и не привык называть.

На мосту через железную дорогу Гена остановился. Тут, возле будки «Спортлото», они с Сергеем подолгу стояли, глядя на поезда, и спорили про будущее. Сергей, как всегда, оказался прав. Только вот теперь и поспорить стало не с кем.

Дальнейший отрезок пути Гена почти пробежал – очень не любил привокзальную суету – и, свернув с Тверской в большую арку, углубился в знакомые кварталы. Гулять здесь он привык с юности, но в последнее время особой радости это не доставляло. Москва была чужая. Теперь она принадлежала другим – крепким, настырным, удачливым. Старую Москву они сберегать для потомков не собирались, это был не их город. Жили они в нем не потому, что любили его, а потому что так было ближе к кормушке. Впрочем, Бугаев никогда всерьез не испытывал неприязни к новым хозяевам города. Жизнь – это янь и инь. Он хорошо помнил, как Москва в свое время чуть не захлебнулась в грязи. Ценой за чистоту и блеск стали копыта шлагбаумов, которыми ошетинились старые московские дворики. Сколько бы он дал, чтобы вновь побродить по нетронутым заветным уголкам, пусть даже натываясь на бутылки и жестянки. Но дворики вычистили, вылизали – не дворики стали, а конфетки. От которых Гену почему-то воротило.

Впрочем, один двор почти не изменился. Сколько вечеров провел он здесь, прячась за старым тополем, чтобы просто увидеть Ее. Одну, неповторимую. Он видел, как возвращалась она с вечерних курсов, как целовался с ней у подъезда Сергея. Он ненавидел себя за эти тайные слезки, но ничего поделать с собой не мог. Потребность видеть Лену была как жажда, которую надо было время от времени утолять.

Бугаев подошел к старому дереву, привычно поднял глаза к окнам третьего этажа. Ее нет. Это чувствовалось даже на расстоянии. Жила Лена одна, родители переехали на дачу. Работа у нее была надомная – в Интернете, и если бы она была дома, окно обязательно бы открыла: не могла жить без свежего воздуха.

До похорон он раз сто звонил ей. Без толку. И мобильный, и домашний молчали. На кладбище все время искал ее глазами, не найдя, вконец растерялся: не придти ее могло заставить только что-то из ряда вон... Правда, в последнее время они с Сергеем опять были в контрах – в который раз! Но не придти на похороны... Нет, что-то точно случилось.

Бугаев вошел в знакомый подъезд, почти бегом поднялся на третий этаж и надавил на звонок. Он так долго не убирал палец с кнопки, что устройство не выдержало и, чмокнув, замолчало. Из квартиры напротив выглянула не совсем причесанная соседка Роза Ивановна, многолетняя блюстительница Лениной нравственности.

– Ты чего это тут шумишь? – оценивающе осмотрела она Гену. – Выпил – сиди дома.

Роза Ивановна любила говорить лозунгами, которые сама же и изобретала.

– Добрый день. Это я, Геннадий. Вы Лену не видели в последнее время?

– Почему же не видела? Пару дней назад встречались. Она с чемоданом спускалась. Уехала, одним словом. Жизнь – это дорога.

– Это когда было? – Бугаев почему-то напрягся.

– Ты что, следовательно? Так вызови повесткой на допрос, – Роза Ивановна была в своем репертуаре.

– Вы не сердитесь, я ее потерял, дозвониться не могу.

– Немудрено. Говорю, уехала она, третьего дня тому как. Сказала, что надолго, – смягчилась соседка и сделала многозначительное лицо. – Выглядела такой счастливой, как будто приз какой выиграла. А вообще, мне кажется, она туда подалась...

Роза Ивановна кивнула куда-то вверх и в сторону.

– Куда туда? – не понял Бугаев телодвижений проницательной соседки.

– В цивилизацию. Теперь все туда наострились. А кто Россию подымать будет?

А? Я тебя спрашиваю...

Обсуждать с Розой Ивановной подъем родного государства Гене не захотелось. Патриотичная дама в халате еще что-то вещала про разваленную страну, а он уже спускался по последнему пролету. Лена уехала. Получается, что это было в день Серегиной смерти. Выглядела счастливой. Влюбилась в кого-то? Вряд ли. Кроме Сереги ей никто не нужен был. Но почему по телефону не отвечает? Значит, действительно могла за границу уехать. И ничего не сказала – тоже мне, подруга называется.

Всю свою сознательную жизнь после Пицунды они провели втроем. Кроме Сереги и Лены Бугаев себе друзей так не завел. Им тоже хватало друг друга и Бугаева в качестве вечного спутника. После возвращения из спортивного лагеря Лена и Сергей друг от друга не отходили, их приморский роман развивался, как в кино. На филфаке, где училась Лена, ей обзавидовались: такого мужика отхватила! Правда ближайшая подруга, та самая рыжая бестия, постоянно твердила, что с этими армянами – сплошная катастрофа, в неволе они не размножаются. Но Лена не слушала. Такого, как Серега, на свете больше не найдешь. И он ее любит.

Однако бестия оказалась права. Вскоре до Лены стали доходить нехорошие слухи, что ее возлюбленный привычки менять не обирается и гуляет, как и прежде, налево и направо. Лена верить слухам отказывалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.